

— первая среди лучших —

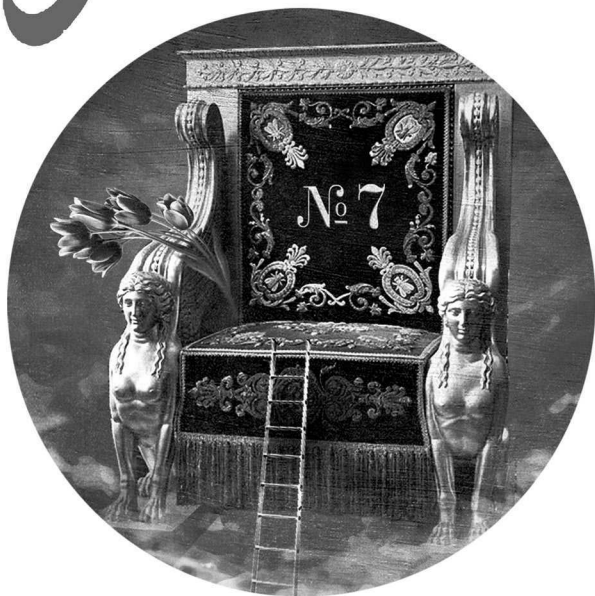

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже

ТАТЬЯНА Устинова

Седьмое небо

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*
Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении книги использован шрифт
«Клементина» © Студия Артемия Лебедева».

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Седьмое небо : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-87625-9

Лидия Шевелева, корреспондент газеты «Время, вперед!», и не подозревала, что стала пешкой в большой игре, когда получила из анонимного источника потрясающие материалы. Это был компромат на главу юридической службы холдинга олигарха Тимофея Кольцова — Егора Шубина. С ведома своего начальства она написала убийственную статью о подлом воре с внешностью английского лорда — о Шубине. И уничтожила его. Кольцов выставил Егора на улицу и дал неделю на разбор ситуации... Иначе смерть. Но судьба любит шутить, и она столкнула врагов Шевелеву и Шубина вновь, причем Лидия помогла Егору в схватке с бандой подонков, чуть не убивших его младшего брата. Эта встреча поломала планы постановщика игры — Лидии стало ясно, что Егор не мог двуручничать. Понимая, что их хотят уничтожить, Лидия и Егор объединяются, чтобы вычислить общего врага...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-87625-9

ООО «Издательство Эксмо», 2024

Большая игра начнется завтра, и к ней все давно готово: документы, бумаги, люди, которые должны оказаться в нужное время в нужном месте. Выверены и согласованы все детали, даже самые мелкие. Предусмотрены любые неожиданности. На этот раз все должно пройти без сучка без задоринки. Никто не узнает, кто заварил эту кашу, а бороться вслепую так же глупо, как тушить лесной пожар минеральной водой из бутылки.

Завтра. Наконец-то.

Хорошо, когда все наконец готово и точно известно не только когда и как начнется *большая игра*, но и когда и как она закончится. В ежедневнике была отмечена еще одна дата — двадцать пятое декабря. Очень хорошая дата. Просто отличная дата, и выбрана не просто так, а с совершенно определенным смыслом.

Новый год будет новым во всех отношениях.

Основные участники *большой игры* останутся в старом году навсегда. Для них двадцать пятое декабря — идиотский слюнявый западный праздник, которым все так упиваются в последнее время, — не кончится никогда.

Они умрут в Рождество.

Разве не забавно?

Ну вот опять!

Кто-то что-то, как всегда, прошляпил, а она должна спасти положение, пропади оно все пропадом! Разве

она виновата, что гениальный корреспондент с многозначительным именем Гриша Распутин опять запил, или закурил, или что там у них принято, у наркоманов?.. Она в сердцах лупила по клавиатуре, и истязаемый старенький компьютер стонал почти человеческим голосом. Он был ни при чем, но Лидия его в этот момент ненавидела.

— Лидия, ты чего? — спросил, протискиваясь мимо, Саша Воронин, корреспондент отдела культуры. — Ты пытаешься компьютер разбить или работаешь?

— Работаю, — процедила Лидия не оглядываясь. Сашка был большой и сильный и не мог пролезть в узкое пространство между ее креслом и стеной, но от злости она даже на сантиметр не подвинулась, хотя чувствовала, как он пытит, пытаюсь ее сдвинуть. — И не мешай мне, Христа ради! Надо тебе в коридор, выйди, как все люди, а меня не дергай!

Сашка в конце концов протиснулся и сказал осуждающе:

— Я тебя и не дергаю. Больно надо...

— Ее, видишь, Игорь запряг на ночь глядя, — сказала из угла спокойная и добродушная редакторша Нина. — Гришка опять в отключке, материал не сдал, который в номер давно заявлен...

— Гришка через день в отключке. — Саша остановился на пороге и закурил. В комнате курить было нельзя, за это шибко гоняли пожарные, зато в коридоре можно, и все курили, стоя одной ногой в комнате, а второй в коридоре — так, чтобы и телефон слышать, и пожарных не злить. — У Игоря запасного варианта нету, что ли?

— Лидия у него запасной вариант. — Нина закурила прямо в своем углу. Она проработала в этом здании лет пятнадцать и никого не боялась. — Может, тебе сделать кофе, Лидия?

— Отстаньте от меня немедленно и навсегда, — пробормотала та, лихорадочно читая только что написан-

ное. — Ты не знаешь, Нинуль, у нас в принтере бумага есть еще?

— У нас в принтере бумага с утра кончилась, — ответила Нина с удовольствием.

Она любила, когда что-нибудь кончалось. Добыть в хозотделе бумагу, картриджи, кассеты и всякую прочую необходимую мелочь не мог никто, кроме нее. Почему-то заведующая этим самым хозотделом свою работу понимала как непримиримую борьбу с журналистами, которые изводили кипы бумаги, тысячи картриджей и тонны ручек. Все это она прятала, зажимала, не давала, лично убеждалась в том, что все ручки действительно рассосались в редакционном пространстве, а принтер не печатает, и тогда скрепя сердце выдавала требуемое. Только Нине она почему-то доверяла как себе самой, поэтому на поклон к Нине то и дело ломился редакционный люд, жалобно стенающий и посыпающий пеплом свои гениальные журналистские головы.

— Нинуль, — привычно заныла Лидия, не отрываясь, однако, от текста, — сходи к своей мадам Плюшкиной, а? Если я сейчас в другой отдел понесусь распечатывать, я точно ничего не успею. Игорь еще смотреть должен и править, а он на выпуске, мне его ловить надо...

— Ладно уж, — согласилась Нина, — докурю только и схожу.

Собственный текст Лидии не нравился, выходило как-то коряво и неубедительно, несмотря на то, что материала было много. Работать в такой чудовищной спешке она никогда не любила, хотя знала, что в этом есть определенная журналистская удача — сел и за пять минут наваял нечто вполне читаемое и приличное.

— Черт бы их всех побрал, — пробормотала она сквозь зубы, имея в виду и некстати впавшего в нирвану Гришу Распутина, и зама главного редактора Игоря Леонтьева, которому пришла фантазия заткнуть Гришкину дырку

ее, Лидиной, статьей, а уже конец дня, и очень хочется домой, и понятно, что туда она теперь попадет не скоро — пока напишет, пока Игорь прочтет, пока она все поправит, а потом сдаст на выпуск...

Злясь на весь свет, она зажала ладонями уши, пытаясь осознать, что именно не так в ее тексте и как это можно быстро исправить, но озарение не приходило.

— Я пошла к Галине! — прямо в ее ладонь, прижатую к уху, прокричала Нина. Галиной звали ту самую хозяйственную даму. — Ты все-таки телефон слушай.

— Да пусть он сгорит, этот телефон! — проворчала Лидия, отнимая от ушей руки и вновь принимаясь яростно печатать.

Сашка у двери покачал головой.

— Ты что? — спросили из коридора.

— Да вот смотрю, как люди работают, — ответил Сашка с сарказмом. — Как звери!

В дверь заглянули. Лидия даже не обернулась посмотреть, кто именно.

— Надо же, — сказали от двери с уважением, — и впрямь как звери.

Лидия встала и, печатая шаг, как солдат у Мавзолея, подошла к двери и захлопнула ее перед самым Сашкиным носом.

— Надоели, — пробормотала она, возвращаясь за стол.

Когда минут через пятнадцать пришла Нина и гордо плюхнула на стол две пачки финской бумаги и затейливую коробочку с новым картриджем, Лидия продолжала все так же ожесточенно печатать. Сашка давно ушел.

— Сама поставишь? — спросила Нина у Лидиной спины. — Все равно никого из компьютерщиков нет давно. Один какой-то остался, самый захудалый, пасьянс раскладывает, я сейчас мимо двери в их отдел проходила, видела...

— Поставлю, — сказала Лидия, задумчиво глядя в

экран. — Спасибо, Нинуль. Я завтра тебя по-человечески поблагодарю, а сейчас никак не могу, прости.

Нина одевалась за шкафом, гремела вешалкой и ботинками.

— Ладно. — Она выбралась из-за шкафа, обошла стол и поцеловала Лидию в щеку. — Пока. До завтра.

— До завтра, Нинуль, — скороговоркой произнесла Лидия, которой в голову пришла очередная гениальная мысль. — Мы бы все без тебя просто пропали.

— Ну естественно, — согласилась Нина и вышла, заботливо притворив за собой желтую учрежденческую дверь. Моментально стало не то чтобы тихо, а как-то глухо. Редакционная жизнь отдалилась, как шум горной речки, скрывшейся за поворотом дороги.

Хорошо бы хоть полчаса никто не приставал, не торопил, не лез с вопросами про Гришку, Игоря и неожиданный аврал. Всего только полчаса, и она закончит... Полчаса. Полчасика...

Зазвонил телефон.

Лидия подпрыгнула в кресле, потеряв сразу и мысль, и место в тексте, которое только что сосредоточенно правила, и оглянулась на телефон. Он разливался бодрым утренним звоном, и ему было совершенно наплевать на то, что он сбил Лидию с мысли.

— Пошел вон! — закричала она, отыскивая потерянную строчку, но он не унимался. — Я все равно не подойду, — громко сказала Лидия, упрямо глядя в компьютер. — Можешь не орать.

Но телефон не поверил в серьезность ее намерений.

Да какой идиот может звонить в учреждение в девятом часу вечера и надеяться, что кто-то снимет трубку?! Она, Лидия, трубку ни за что не снимет.

Телефон звонил.

— Да!!! — проорала она, дотянувшись и нажав кнопку громкой связи на замызганном «Панасонике». — Да! Алло! Алло, черт вас возьми!

В недрах «Панасоника» что-то потрескивало, шур-

шало и шелестело потусторонним шелестом, но даже отдаленно это не было похоже на человеческую речь.

— Я слушаю, — смирившись с судьбой, уготовившей ей на этот вечер все возможные испытания, проговорила Лидия и подъехала в кресле поближе. — Слушаю вас!

— Большая игра начнется завтра, — вдруг сказал «Панасоник» отчетливо.

— Что? — переспросила изумленная Лидия и сорвала трубку с бледного пластмассового телефонного тельца. — Алло, кто это говорит?!

Но в трубке уже уныло гудел отбой.

Лидия посмотрела сначала на трубку, потом на аппарат, потом послушала монотонные гудки, зачем-то нажала и отпустила кнопку громкой связи.

— Чушь какая! — громко возмутилась она и брякнула трубку обратно на телефон. — Больные какие-то звонят...

Она вернулась к своему столу и уставилась в текст, подрагивавший на голубом экране:

«Противостояние различных властных группировок приняло в последнее время не просто уродливые, а какие-то, скажем прямо, почти комедийные формы. Спросите у своих друзей, чем один воскресный телевизионный вечер отличается от другого, и скорее всего вам ответят, что отличаются они количеством и качеством помоев, какими потчуют друг друга не только политические деятели, но и журналисты.

Чего только мы не узнали в последнее время о сильных мира сего, а также об их женах, братьях, сестрах, любовницах, детях и внуках! Стереотип срабатывает на все сто — при слове «семья» нам первым делом приходят в голову не собственные мама и папа, а президентское окружение. Как вы думаете, к чему бы это? Я знаю точно — к выборам!»

— О господи, великий боже, я написала это ровно

три минуты назад. Почему я никак не могу понять, о чем вообще идет речь?

«Большая игра начнется завтра».

Какая игра? Почему она завтра начнется и кому понадобилось сообщать об этом Лидии?!

Может, завтра футбол, и это какие-то сумасшедшие фанаты балуются? Какой завтра день недели? Среда?

— Что ты переполошилась, как курица? — строго спросила у себя Лидия, и собственный голос в тишине просторной пустой комнаты показался ей до смешного жалким. — Мало ли придурков звонят нам каждый день?!

Она покосилась на молчащий телефон, встала, прошлась по комнате, стараясь не зацепиться любимыми брюками за костистые углы громоздких и очень неудобных канцелярских столов, и заглянула в чайник. Как ни странно, в нем была вода. Должно быть, Нинюлька налила, зная, что Лидии непременно потребуется кофе. Чайник — «Щелк! И вода в нем согреется за одну минуту!» — сразу приятно зашумел, и Лидия насыпала кофе в громадную белую кружку с нарисованным на боку красным сердцем и надписью, сообщавшей почему-то, что «я люблю Нью-Йорк».

«Какая, к черту, большая игра?! Мне нужно работать. Сейчас с воплями ворвется Леонтьев, не дождавшийся на выпуске моей статьи, и будет мне по первое число, а также по второе. Завтра на летучке у главного он начнет долго и нудно объяснять коллективу, как я их подвела, что на меня нельзя положиться, а это была такая замечательная возможность отличиться, поэтому в командировку в ЮАР отправится Павел Владимирович Гефин, а вовсе не Лидия Шевелева... Мне нужно быстро дописать эту дурацкую статью, не отвлекаясь на сумасшедших, которым пришла в голову фантазия набрать редакционный номер».

Лидия залила водой кофе и вновь задумчиво посмотрела на телефон.

Что-то тут не так.

Это звонил не сумасшедший.

Звонил кто-то, кто хотел, чтобы именно она, Лидия Шевелева, сняла трубку и *услышала* этот бред про большую игру. Она была в этом совершенно уверена.

И голос какой-то непонятный — не мужской и не женский. Невразумительный какой-то голос...

Дверь, жалобно скрипнув, отлетела в сторону, Лидия дернулась, взвизгнула со страху и облилась кофе.

— Ты что? — спросил с порога зам главного.

— Ты меня напугал, — ответила она с облегчением и, пристроив кружку на компьютер, стала стряхивать с водолазки кофейные ручьи. — Что ты врываешься, ей-богу? Хоть постучал бы...

Зам главного вдвинулся в комнату и посмотрел на Лидию с любопытством.

— Чего это я должен стучать? Никогда не стучал, а теперь должен стучать?

— Не знаю! — сказала Лидия сердито. — Ты меня напугал, и все. То больные какие-то звонят, то ты врываешься... Кофе будешь пить?

— Буду, — согласился зам главного. — Девчонки на выпуске даже не предложили.

Он сел верхом на стул, пристроил на спинку локти и сцепил ухоженные загорелые руки в белоснежных манжетах трехсотдолларовой рубашки.

— Готов материал?

Лидия налила ему кофе в кружку с надписью «Я люблю чай» и отрицательно покачала головой:

— Нет пока, Игореш... Мне еще полчасика надо... Если б не этот придурок, который позвонил, я бы...

Игорь перебил ее с досадой:

— Плохому бегуну, Лидия, всегда кроссовки жмут. Сказано — сдать через полчаса, значит, и надо сдавать через полчаса. При чем здесь звонки какие-то?

— Он меня отвлек, — Лидия жалобно посмотрела в лицо начальнику, — и из равновесия вывел. Представ-

ляешь, позвонил и сказал, что завтра начнется большая игра...

— Завтра? — переспросил зам с недоумением. — Завтра нет никакой игры. Игра в среду. Наши с немцами играют. Это тебя заранее предупредили, чтобы ты не пропустила.

— Ты что? — спросила Лидия с подозрением. — Смеешься?

У них были странные отношения.

Года два назад случилась у них внезапно короткая и бурная любовь, которая так же быстро и бестолково закончилась.

Игорь Леонтьев был женат уже лет двадцать, имел взрослых и умных детей и такую же взрослую и умную жену, которая на шалости талантливого мужа смотрела сквозь пальцы. Или это редакционным барышням казалось, что сквозь пальцы?

Лидия влюбилась в шефа, с которым к тому времени проработала уже больше года, неожиданно и сильно, изменив своему главному жизненному правилу — никогда не связываться с женатыми мужиками.

Потом... потом он так же неожиданно охладел к ней, а она к тому времени уже насочиняла себе сказок о том, как хорошо они будут вместе жить, какие у них будут дети и выходные на даче. Конечно, никаких детей и дач Игорь Леонтьев и не думал планировать, и Лидия выползала из этой никому не нужной любви долго и трудно.

Понесся значительные потери, войска отступили на заранее подготовленные позиции.

Не было никаких подготовленных позиций.

Потери были, а подготовленных позиций не было.

Она чуть с работы тогда не ушла, но уходить было особенно некуда, а зарабатывать нужно, и каждый день начинался с кровавой борьбы с самой собой, и каждый день она напоминала себе, что нужно жить и работать, и есть, и спать, и дышать...

В конце концов она привыкла работать, дышать, есть и спать, не напоминая себе поминутно, что жизнь все-таки еще не кончилась.

Она не любила об этом вспоминать. Сам же «предмет», как называла ее кавалеров бабушка, ничего не замечал.

Он так же легко и блестяще работал, делая карьеру одной левой — так, по крайней мере, это выглядело со стороны, — менял любовниц, сюсюкал по телефону с женой и дочкой и к Лидии относился с ровным покровительственным добродушием, однако ошибок не прощал и никаких скидок не делал.

— Шевелева, ты же классный журналист, что ты несешь про какие-то телефонные звонки, которые тебя расстраивают до невозможности? — спросил шеф, прихлебывая кофе и неприятно морщась. — Распустились вы все от того, что я вас загружаю мало. Ну что ты смотришь?

Иногда, как вот сейчас, Лидию раздражали разговоры о лени и нерадивости сотрудников. Сотрудники были как сотрудники, не более и не менее нерадивые, чем все остальные люди на планете Земля. Иногда, когда им задерживали или не давали зарплату, они работали хуже, чем нужно, иногда, особенно в дни больших потрясений, которые случались то и дело, журналистский азарт брал свое, и тогда все работали не за страх, а за совесть. И газета у них отличная, одна из самых профессиональных, уважаемых и читаемых.

— Игорь, я сейчас допишу, — пообещала Лидия подхалимским тоном. Не объяснять же ему, что она не разделяет его взглядов на всеобщую лень! — Пропусти меня к компьютеру!

— Валяй, — разрешил он и подвинулся. — Дай только я одним глазом гляну, что ты там насочиняла.

Она всегда ужасно волновалась, когда он читал ее тексты. Все-таки журналист он был от бога, и, когда

он говорил «плохо», это означало, что написанное на самом деле никуда не годится.

Читал он секунд сорок.

— Вот это ни к черту... и здесь тоже. Перепиши. Не просто поправь, а перепиши. Все остальное нормально, не трогай, а то увязнешь совсем. Поняла?

Это был высший балл, редкая удача. «Все остальное нормально, не трогай...»

— Хорошо, Игореш, — пробормотала благодарная Лидия. — Я быстро управлюсь, быстрее даже, чем за полчаса.

— Давай, я жду, — сказал он уже из-за двери.

Лидия подождала, пока затихнут в коридоре его всегда легкие и стремительные шаги, которые она узнала бы и через сорок лет, и повернулась к верному компьютеру.

— Ты меня прости, — сказала она ему. — Тебе сегодня попало...

Он был старый, умный и всепрощающий, как пес. Они с Лидией всегда понимали друг друга.

Она погладила его по пыльному боку и вытряхнула из пачки сигарету. Уже вчитавшись в текст, который надлежало переписать, она вдруг вспомнила про телефонный звонок.

Нет.

Речь шла явно не о футболе.

— Егор Степанович, я вам больше не нужна?

Он не сразу сообразил, что кто-то о чем-то его спрашивает.

Секретарша застыла в дверях с каменной неподвижностью, как жена Лота, обратившаяся в соляной столб.

— Что? — спросил он, помедлив.

Так и есть. Она осмелилась нарушить суверенные границы монаршего кабинета и сделала это не вовремя. Самое легкое наказание — казнь на электрическом стуле.

— Вы что-то сказали? — переспросил он с убийственной вежливостью. — Или мне показалось?

Секретарша у двери совсем перепугалась. Он чувствовал, как волны ее паники разливаются по кабинету и вот-вот достигнут подножия трона — кресла, в котором он сидел.

Ему стало ее жалко.

Нагнал на всех страху, ничего удивительного нет в том, что теперь от него шарахаются сотрудники. А секретарша как раз и ни при чем. Запугивать ее совсем не входило в его планы.

— Вы домой хотите уйти? — спросил он почти человеческим голосом, и она судорожно закивала, боясь не угодить даже словом.

Он усмехнулся.

— Идите, — сказал он, опуская глаза на разложенные бумаги. — Только оставьте где-нибудь на видном месте мое завтрашнее расписание.

Даже не глядя на нее, он понял, что паника ее отпустила.

Она была отличной секретаршей — умненькой, вежливой, хорошо вымуштрованной в той секретарской школе, где ее обучали ремеслу, но держать удар не умела совершенно.

Егор еще не решил окончательно, что будет с ней делать — воспитывать или увольнять. Впрочем, можно не увольнять, а подарить кому-нибудь из замов...

— Расписание, Егор Степанович, — тоненьким голосом сказала она от двери в кабинет и почему-то пристроила папку на край стола для совещаний.

— На мой стол положите, — приказал он, начиная раздражаться. — Спасибо.

Тихо, как мышка, она прошмыгнула по иранскому ковру, устилавшему кабинет, к его столу и беззвучно опустила папку, придавив вчерашние факсы, которые он еще не видел, а должен был бы посмотреть с утра.

Шеф продолжал пялиться в бумаги, а на нее даже не глянул.

— До свидания! — освобожденно произнесла она от двери.

Он кивнул.

В приемной что-то зашелестело, открылась и закрылась дверь шкафа, тоненько запахло какими-то сладкими детскими духами — он ненавидел такие духи, — глухо протопали по ковру каблучки, вежливо скрипнула тяжелая дубовая дверь.

Ушла, слава богу!

Невозможно работать, когда собственная секретарша так раздражает.

Он кинул на бумаги драгоценный любимый «Паркер», потянулся всем телом так, что даже потемнело в глазах и что-то зазвенело внутри головы, вытащил себя из кресла и снял пиджак. Подумал, развязал галстук и закатал рукава рубахи.

Теперь можно работать дальше.

Ему хотелось есть, но тащиться в буфет было лень, а рыться в холодильнике не было времени.

Подумав, он набрал номер. Ответили сразу же.

— Принесите мне чаю, пожалуйста. — Егор откинулся в кресле и с трудом подавил зевок. — Если можно, с лимоном. И бутербродов каких-нибудь.

— Вы сегодня не обедали, Егор Степанович? — душевно поинтересовались в трубке.

— Нет, — буркнул он.

Когда ему обедать, если на краю стола до сих пор лежат вчерашние факсы, которых он в глаза не видел и не знает, что в них такое!

В ожидании чая с лимоном он просмотрел еще десятка два бумажек, сортируя их по срочности и важности. Ничего особенного, обычная текучка, но из-за этой текучки он никак не мог выкроить время, чтобы как следует позаниматься предстоящим делом, которое уже назначено к слушанию.

Конечно, он выиграет и это дело — мало ли он их выиграл! — но подготовиться все же не мешало бы.

— Ваш заказ, Егор Степанович. — Пожилая дама в сказочном белом переднике и с крошечной кружевной наколкой на волосах внесла в кабинет поднос, держа его полными уютными руками бережно, как шкатулку с драгоценностями. — Разрешите, я накрою?

— Конечно, Катерина Иванна, — сказал он, сразу приходя в хорошее настроение. — Накрывайте.

То ли потому, что Катерина Ивановна его кормила, когда он уставал и хотел есть до беспамятства, то ли потому, что она всегда была похожа на бабушку из старых иллюстраций к сказкам Андерсена, Егор радовался, если ужин ему подавала именно она. Бутерброды казались вкуснее и чай крепче.

Катерина Ивановна ловко раскинула на краю стола хрустящую крахмалом льняную салфетку — и ни одна бумажка у нее не шелохнулась и не покинула своего места, словно волшебный остров вынырнул неожиданно из глубин бумажного моря! — поставила тонкую фарфоровую чашку с блюдцем, и серебряный чайничек с чаем, и еще блюдечко с прозрачными ломтиками исходящего соком лимона, при одном взгляде на которые у Егора стало кисло во рту, и блюдо с бутербродами, и еще одну крахмальную салфетку — для рук.

Откинувшись в кресле, Егор улыбался блаженной улыбкой, глядя на все эти вкусные приготовления.

— Налить, Егор Степанович? — Катерина Ивановна критическим взглядом оглядела свою работу и чуть-чуть поправила завернувшийся уголок салфетки. Все остальное было идеально.

— Налить! — согласился Егор весело. — Спасибо.

— Вы сегодня опять допоздна? — спросила она.

Чай из серебряного чайничка лился в блестящее фарфоровое сердце чашки и закручивался там в кро-

шечный водоворот. От чашки поднимался ароматный пар.

Черт, наверное, все-таки нужно обедать. Он с таким вожделием смотрит на эту чашку, как будто это не чай, а бог весть какие разносолы.

— Вы меня о чем-то спросили, Катерина Иванна? — Ему показалось, что он что-то пропустил, пока глотал слюны и умильно смотрел на чайник.

Сказочная бабушка аккуратно вернула чайничек на подставку и повторила:

— Вы сегодня опять допоздна?

Вряд ли кому-нибудь из обслуживающего персонала пришла бы в голову мысль задавать шефу подобные вопросы, но Катерина Ивановна была не просто обслуживающий персонал. Она была для него «своя», за что-то он ее любил, она прекрасно об этом знала и умела этим пользоваться.

— Мы с вами, как всегда, на дежурстве, — пошутил он.

Есть хотелось с каждой минутой все сильнее, но при ней он почему-то стеснялся откусить от бутерброда. Может, боялся нарушить гармонию ее идеальной сервировки?

— Приятного аппетита, — быстро пожелала догадливая Катерина Ивановна и бесшумно ретировалась.

Егор подождал, пока стихнут в приемной ее осторожно-тяжелые шаги, и только тогда, как голодный мальчишка-беспризорник из старого фильма про революцию, вцепился зубами в бутерброд и даже заурчал тихонько — так ему показалось вкусно.

Он не будет есть и читать. Черт с ними, с бумагами, он вполне может позволить себе пять минут не заниматься делами. Он осторожно глотнул огненного чая — в животе сразу стало тепло, как будто хлебнул водки.

Стар стал, решил про себя Егор. Стар и слаб. Чай вместо водки пьешь — и счастлив.

Зазвонил телефон. Не выпуская чашку из рук, Егор оглянулся на аппарат.

Странно. Звонили на его личный номер, минуя не только ресепшэн компании, но и приемную. Личный номер был только у «своих», а они не могли знать, что он вернулся в Москву. Он должен был прилететь лишь завтра под вечер.

— Алло, — сказал Егор недовольно.

Ему не хотелось ставить родственников в известность, что он уже в Москве. У него совсем не было времени заниматься семейными делами. Он и прилетел до срока специально, чтобы хоть один день поработать спокойно.

— Алло! — повторил Егор потому, что в трубке молчали. — Алло, дед, это ты?

— Завтра начнется большая игра, — доверительно сообщила трубка.

— Что? — переспросил Егор. — Вы ошиблись, наверное...

Но в телефонных глубинах уже пиликал отбой.

— Черт знает что, — пробормотал Егор и кинул трубку на аппарат.

Это и вправду было черт знает что, потому что номера его личных телефонов — мобильного, домашнего, рабочего — по идее, должны были быть защищены от идиотов, развлекающихся глупыми звонками кому ни попадя. Значит, все-таки добрались и до его линии. Козлы...

Егор дождался бутерброд, вытер руки льняной салфеткой и набрал номер.

— Алло, дед, — сказал он и улыбнулся. — Это я. Как ты там? Жив?

— Жив, — бодро проговорил дед в трубку. — Жив и здоров. А ты откуда звонишь?

— Из Москвы, — признался Егор со вздохом. — Хотел, понимаешь, в подполье на денек уйти, но не получается.